

Однако несмотря на эти арамейзмы, свидетельствующие о проникновении в разговорный язык арамейской тенденции, оба документа показывают, что разговорным языком первой половины II в. н. э. оставался еврейский язык. Как справедливо отметил Аллегро (ук. соч., стр. 175), деловые письма и документы обычно пишутся на разговорном языке данной эпохи, а не на чуждом корреспондентам искусственном языке.

В заключение мы можем только присоединиться к выводу Аллегро, что «такого рода документы являются мучительно дразнящим напоминанием о том, как мало мы знаем о языке и письменности этого скудно документированного периода в истории иудаизма»⁵⁷. Надо надеяться, что дальнейшая публикация текстов из Вадди-Мурабба 'ат, столь блестяще начатая R. P. de Vaux и J. T. Milik' ом, прольет новый свет на многие неясные еще сейчас вопросы и обогатит науку новыми важными фактами.

И. Д. Амусин

СИНДИКА, БОСПОР И АФИНЫ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ V в. до н. э.

История синдского государства еще мало нам известна из-за скудости источников. Одним из наиболее интересных материалов для этой истории являются монеты Синдики, исследованием которых занимался целый ряд ученых¹. По мнению большинства исследователей, время выпуска этих монет падает на последнюю четверть V в. до н. э. Рассмотрение типов этих монет позволяет сделать ряд интересных выводов.

В число типов синдских монет входит тип с изображением совы, очень близкий к типу афинских монет начала Пелопоннесской войны². А. А. Сибирский высказал в связи с этим сходством предположение, что чеканка этого типа монет связана с активной политикой Афин на Боспоре, увенчавшейся основанием или скорее переименованием какого-то города Синдики в Стратоклею (по имени афинского архонта-эпонима 425—424 года Стратокла)³. В одной из последних работ о синдских монетах Д. Б. Шелов, подробно останавливаясь на сходстве одного из типов синдских монет (голова Геракла) с типами одновременных гераклеийских монет, устанавливает связь синдской чеканки также и с гераклеийской чеканкой⁴. Это сходство типов синдских монет с типами монет Афин и Гераклеи, по мнению Д. Б. Шелова, «говорит о наличии самостоятельной политики синдов, независимой от Спартокидов» (там же, стр. 116—117). В. П. Ши

⁵⁷ J. Allegro, ук. соч., стр. 176: «Such documents are a tantalizing reminder of how little we know about the language and writing of this sparsely documented period of Judaism».

¹ А. А. Сибирский, Боспорский город Стратоклея и новая монета синдов, Тр. III Археол. съезда, т. I, стр. 122 сл.; А. В. Орешников, Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам, Тр. VI Археол. съезда, т. II, стр. 80 сл.; он же, Монеты Синдики и Горгиилии, ИРАИМК, II, стр. 121 сл.; он же, Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья, М., 1914, стр. 51; С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, стр. 123, 171; А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 168—171; Ю. С. Крушккол, Золотая монета Синдики, ВДИ, 1946, № 4, стр. 164—165; Д. Б. Шелов, Монеты синдов, КСИИМК, XXX, 1949, стр. 111 сл.; В. П. Шелов, Синдские монеты, СА, XV, 1951, стр. 204; E. N. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 632.

² Зограф, ук. соч., стр. 169.

³ Сибирский, ук. соч., стр. 123.

⁴ Шелов, Монеты синдов, стр. 112.

лов подвергает все эти выводы резкой критике, отрицая заимствование синдами афинских и гераклейских типов⁵. Помимо чисто нумизматических доводов, его возражения сводятся к следующему: 1) Афины не могли вести активную политику на Боспоре, так как в 425 г. были уже втянуты в Пеллопоннесскую войну и должны были отражать вторжение спартанцев. 2) Синды, давшие Боспору династию Спартокидов, не могли заимствовать типов Гераклея, злейшего врага Спартокидов.

Справедливы ли эти возражения? Первое из них, конечно, нельзя признать существенным. 425—424 год до н. э. как раз год наивысших успехов Афин (достаточно назвать одну победу на Сфактерии), год, когда Спарта оказалась вынужденной приступить к мирным переговорам, которые были сорваны только из-за непомерных требований афинян. С точки зрения афинян, «заключение мира для них уже было обеспечено» (Thuc., IV, 21). Поэтому для вмешательства Афин в боспорские дела данный момент был вполне подходящим. Второе возражение, конечно, более существенно, поскольку в подкрепление его можно привести рассказ Полиена о синдском царе Гекатее, верном союзнике Сатира⁶. Но действительно ли невозможно было появление изображений, характерных для типов монет Афин и Гераклея, на синдских монетах? Для того чтобы разобраться в этом, необходимо представить себе всю политическую обстановку, сложившуюся на Боспоре в это время, а она отличалась большой сложностью.

Здесь в первую очередь необходимо выяснить роль, которую играли Афины на Боспоре в последней трети V в. до н. э. До последнего времени мнение, что Спартокиды находились в неизменно дружественных отношениях с Афинами, было господствующим⁷. Для времени Левкона I и позже это безусловно верно и подтверждается целым рядом свидетельств и документов. Но применение этого положения к более раннему времени, ко времени Спартока I и Сатира, подверглось критике со стороны ряда ученых⁸. Рассмотрим вкратце доводы тех и других.

В защиту первой теории свидетельствуют литературные источники: «Банкирская речь» Исократ, речь Лисия за Мантифея, упоминание Ксенофонта о византийских сторонниках Афин, бежавших от спартанцев на Боспор⁹. Все эти свидетельства представляют нам Сатира дружественно настроенным по отношению к Афинам. В защиту второго положения говорят известия древних об измене Гилона, сдавшего афинское владение на Боспоре — Нимфей — Сатиру и вынужденного после этого эмигрировать на Боспор¹⁰, а также ряд косвенных данных, свидетельствующих о враждебном отношении Афин к боспорской династии¹¹. В пользу этого же положения могут быть приведены документальные свидетельства афинской экспансии на Боспоре во второй половине V в. — списки афинского фороса. В списке за 425/424 г., кроме Нимфея, значатся, по-видимому, также Гермонасса, Патрей, Киммерий и другие города Северного Причерноморья¹².

⁵ Ш л о в, Синдские монеты, стр. 204 сл.

⁶ P o l y a e n., Strateg., VIII, 55.

⁷ В. В. Л а т ы ш е в, История Боспорского царства, Печтжа: 1909, стр. 73; С. А. Ж е б е л е в, Афины, Нимфей и измена Гилона (об. «Северное Причерноморье», М., 1953, стр. 189); о н ж е Основные линии экономического развития Боспорского государства, там же, стр. 128—129; В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М., 1949, стр. 66, 496, прим. 27.

⁸ В. Д. Б л а в а т с к и й, Киммерийский вопрос и Паитикапей, «Вестник МГУ», 1948, № 8, стр. 17; Д. П. К а л л и с т о в, Измена Гилона, ВДИ, 1950, № 1, стр. 27; М. И. А р т а м о н о в, К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов, ВДИ, 1949, № 1, стр. 29.

⁹ I s o c r., Trapez.; L y s., XVI, 4; X e n o p h., Hell., II, 2, 1.

¹⁰ A e s c h., In Ctes., 171.

¹¹ Эти свидетельства собраны В. Д. Б л а в а т с к и м в его работе «Архавский Боспор», МИА, № 33, 1954, стр. 43, прим. 4.

¹² В. Н. Г р а к о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 238.

Вообще все, что мы знаем о политике Афин в Северном Причерноморье во второй половине V в., указывает на стремление Афин установить здесь свою гегемонию. Спартокиды же со своей стороны стремились к установлению мощного централизованного государства на базе объединения греческих колоний и местных племен. Естественно, что интересы этих государств не могли не столкнуться. Все это дало основание полагать, что отношения Спартокидов и Афин в V в. были враждебными. С другой стороны, доводы в пользу противоположного мнения на первый взгляд также представляются весьма вескими, так как свидетельствуют о дружественных отношениях Афин с Сатиром. Однако противоречия между этими свидетельствами источников только кажущиеся.

Действительно, в речи Исократ, произнесенной в 392—391 г., описываются события, очень близкие во времени. Речь Мантифея, указывающего, что во время событий 405—403 гг. он проживал у Сатира на Боспоре, была произнесена 15 лет спустя, когда поездка к Сатиру в глазах афинян уже могла из подозрительного обстоятельства превратиться в прочное алиби. Прибавив к этим свидетельствам указание Ксенофонта, что византийцы, сдавшие свой город афинянам, после захвата Византии Спартой в 405 г., бежали на Понт (то есть в Боспор), мы получим 405 г., как самую раннюю дату, когда можно говорить о дружественных отношениях между Афинами и Сатиром. Известно также, что нет никаких свидетельств, которые бы утверждали обратное положение для времени после 405 г. Таким образом, мы видим, что противоречие между источниками только кажущееся. Выяснив это обстоятельство, вернемся на 20—30 лет назад от этой даты и посмотрим на состояние Боспора в это время.

На рубеже третьей и четвертой четвертей V в. только что установившаяся власть Спартокидов, конечно, не отличалась такой прочностью, как в IV в. Прежде всего Спартокидам приходилось бороться со значительной внутренней оппозицией — сторонниками свергнутых Археанактидов. Одни из Археанактидов бежали в Феодосию¹³, другие, видимо, как показали дальнейшие события, оставались на Боспоре. Действительно, обращает на себя внимание тот факт, что все города Боспора, кроме Нимфея, перечисленные в сплассе фороса за 425—424 г., находятся на азиатском берегу. А как доказал В. Д. Блаватский в своей работе «Архаический Боспор», главной опорой Археанактидов являлся как раз Азиатский Боспор, и Гермонасса была, по-видимому, их столицей¹⁴. Естественно, что именно эти города из оппозиции к Спартокидам скорее всего должны были перейти на сторону Афин. Положение осложнялось тем, что приход Спартокидов к власти означал собой переход к новой политике — политике тесного сотрудничества и слияния с местными племенами (разумеется, в первую очередь речь идет о племенной знати). Сами Спартокиды, возможно, вышли из рядов синд-меотской знати¹⁵ и их курс на тесный союз с верхушкой туземной знати (особенно синдской) совершенно очевиден¹⁶. Такой поворот едва ли мог быть принят в греческих городах всеми безоговорочно. До образования державы Александра Македонского и начала эпохи эллинизма оставалось еще более 100 лет, и у государства нового типа, конечно, не было недостатка в противниках. Сторонники чисто «полюсной» политики, объединившись со сторонниками сверженной династии, могли составить значительную силу.

Помимо борьбы с внутренней оппозицией, Сатиру приходилось еще бороться с Феодосией, своей торговой соперницей, укрывавшей и поддерживавшей боспорских эмигрантов, и с ее союзницей Гераклеей¹⁷.

¹³ А п о н., *Reipl. Pont Eux.*, 77.

¹⁴ МИА, № 33, 1954, стр. 38.

¹⁵ Блаватский, Киммерийский вопрос и Пантикапей, стр. 17; М. И. Артамонов, *ук. соч.*, стр. 29 сл.

¹⁶ Достаточно вспомнить Гекатея Сопея, который, по мнению С. А. Жебелева, также был синдом (см. «Образование Боспорского государства», сб. «Северное Причерноморье», стр. 171).

¹⁷ Д. Б. Шелов, Феодосия, Гераклея и Спартокиды, ВДИ, 1950, № 3, стр. 168.

Наконец, в самой Сиддике положение едва ли было таким простым, как кажется на первый взгляд. Сиддика, как показали раскопки, проведенные в последние годы В. Д. Блаватским и Н. В. Аффимовым¹⁸, была страной с высоким уровнем культуры и в очень большой мере эллинизированной. Существование там государства, и притом довольно развитого, не может уже вызывать никакого сомнения. В Сиддике, как и во всяком государстве, внутри правящей верхушки могли иметься различные политические группировки. Так, среди сиддской знати едва ли было полное единодушие в вопросе о слиянии Сиддики с Боспором (даже полвека спустя Сиддика оставалась самостоятельной). Наряду с преданными сторонниками Спартокидов, такими, как царь Гекатей, несомненно, имелись сторонники проведения сиддским государством самостоятельной, независимой от Боспора политики. В пользу этого говорит знаменательное свидетельство Полиена, что сиддский царь Гекатей был лишен престола, но вновь восстановлен Сатиром¹⁹. Кто и когда лишил его престола, на этот вопрос как раз отвечают сиддские монеты с эмблемами врагов Боспора. Время чеканки этих немногочисленных монет — последняя четверть V в. — совпадает со временем афинского влияния на Боспоре, в IV же век, период упадка Афин, эти монеты не заходят²⁰. В свете всего вышесказанного ясно, что монеты были выпущены после свержения Гекатея новым правительством, резко враждебным Спартокидам. Афинская дипломатия, безусловно, мастерски использовала создавшуюся ситуацию и объединила все разрозненные и опозиционные Спартокидам силы²¹. На сиддских монетах мы видим эмблемы Гераклея²², Афин, самой Сиддики (лошадь?) и, по-видимому, Фанагории (грифон²³), возможно, представлявшей в данном случае города Азиатского Боспора. Таким образом, здесь представлены все члены антиспартокидской коалиции, духовным организатором и вдохновителем которой, конечно, были Афины.

К сожалению, Фукидид, наш главный источник по истории Греции этого времени, ничего не сообщает о боспорских событиях. Но является ли это молчание доказательством того, что там действительно не происходило никаких важных событий, связанных с Афинами? Как сообщает Фукидид, летом 424 года (то есть в последние месяцы «года Стратокла»), афинский полководец Ламах с 10 кораблями отправился в Понт, но, потеряв в Гераклеяской области свои суда из-за сильных дождей, вынужден был вернуться по суше (Thuc., IV, 75). Сообщение Диодора (Diod., XII, 72,4) об этой экспедиции почти ничем не отличается от сообщения Фукидида. Гораздо более пространен рассказ Юстина: «Когда афиняне распределили между государствами Греции

¹⁸ В. Д. Блаватский, Первый год работы Сиддской экспедиции, КСИИМК, 48, стр. 71; о н же, Второй год работ Сиддской экспедиции, КСИИМК, 51, 1953, стр. 149; о н же, Третий год работ в Сиддике, КСИИМК, 58, 1955, стр. 88; Н. В. Аффимов, Новые данные к истории Азиатского Боспора, СА, VII, 1941, стр. 258; о н же, Раскопки Семибратнего городища, КСИИМК, 37, 1951, стр. 238; о н же, Исследования Семибратнего городища, КСИИМК, 51, стр. 99.

¹⁹ P o l y a e n., Strateg., VIII, 55.

²⁰ Шелов, Монеты сидов, КСИИМК, 1949, стр. 117, замечает, что прекращение сиддской чеканки в самом конце V в. вызывает недоумение, поскольку присоединение Сиддики к Боспору произошло лишь при Левконе I (389—349). Это недоумение легко разрешается, если принять, что ни Гекатей, ни его преемник монеты не чеканили.

²¹ Гибкость афинской дипломатии и готовность в случае надобности вступить в союз с «варварами» против эллинов мы видим на примере Сицилийской экспедиции, когда Афинам удалось привлечь на свою сторону большую часть сикулов (Thuc., VI, 88, 4).

²² Характерно, что монеты Фанагории и Феодосии, выпущенные несколько позже, также носят гераклеяские типы (Шелов, Монеты сидов, стр. 118); о н же Феодосия, Гераклея и Спартокиды, стр. 176.

²³ З о г р а ф., ук. соч., стр. 169.

и Азии взносы на содержание флота, ... только гераклейцы, дружившие с персидским царем, отказались от взносов. Тогда афиняне послали Ламаха с войском, чтобы вынудить силой то, в чем было отказано. Пока он, оставив у берега суда, опустошал поля гераклейцев, он потерял с большей частью войска свой флот... вследствие внезапной бури. Лишившись судов, он не мог вернуться обратно морем и не отважился также с небольшим (оставшимся у него) отрядом следовать через земли стольких диких народов²⁴. Однако гераклейцы, полагая более достойным в данном случае оказать поддержку, чем мстить, отослали афинян, дав им съестные припасы и вспомогательный отряд. Они полагали при этом, что хорошо вознаградят себя за опустошение полей, если врагов превратят в друзей»²⁵.

А. А. Тюменев, рассматривая этот рассказ в связи с вопросом об основании Херсовеса, приходит к выводу, что такое странное поведение гераклейцев могло быть вызвано лишь демократическим переворотом в Гераклее²⁶. Ламах, как известно, являлся одним из наиболее выдающихся афинских стратегов этого времени²⁷, неоднократно занимавшим в течение Пелопоннесской войны важнейшие военные и дипломатические посты²⁸. В биографии Ламаха для нас особенно важно то обстоятельство, что он являлся активным участником еще Понтийской экспедиции Перикла (440-е гг.)²⁹. О стратегии Ламаха в 425—424 гг. из письменных источников, к сожалению, больше ничего не известно. Однако, исходя из того, что мы уже знаем о положении на Боспоре в это время, можно с уверенностью предположить, что дипломатические и военные успехи Ламаха на Понте не ограничились инспириацией демократического переворота в Гераклее. Поручение понтийских дел именно Ламаху, безусловно, прекрасно знавшему местную обстановку, представляется вполне естественным. Поэтому, как нам кажется, такие события в Синдике, как свержение Гекатея, выпуск синдской монеты и появление в Синдике города Стратоклея, а также образование союза антиспартокидских сил Боспора с Афинами и Гераклеей³⁰, явились как раз результатом военной и дипломатической деятельности Ламаха на посту стратега в «год Стратокла».

Коалиция эта, конечно, не могла просуществовать сколько-нибудь долго. Боспорские сепаратисты едва ли доверяли синдским, гераклеоты тяготились гнетом Афин и при первом удобном случае подняли против них восстание³¹. Все это значительно облегчало победу Сатира. Только значительный авторитет Афин мог удержать вместе всех союзников. Как только этот авторитет пошатнулся, союз неминуемо должен был распасться. Первой от союза должна была отпасть Синдика, в которой антиспартокидские настроения не могли быть сколько-нибудь прочными. Действительно, синдские монеты очень немногочисленны. Сатиру удалось вернуть Гекатея на царство едва ли через много лет после сицилийской катастрофы, когда Афины уже не могли оказывать эффективную поддержку своим сторонникам на Боспоре. По-видимому, еще до сражения при Эгоспотамах Сатиру удалось разгромить и внутреннюю оппозицию и окрепнуть настолько, что Афинам пришлось отказаться от враждебной политики по отношению

²⁴ 10 000 греков, возвращавшихся из Персии под командованием Ксенофонта, 20 лет спустя едва не погибли в этом же районе (Xenoph., Anab., VI, 3).

²⁵ I u s t i n., XVI, 3. Вхождение Гераклея в Афинский морской союз в 425—424 г. подтверждается и эпиграфическими данными (B. Merrit, Wade-Gery, McGregor, The Athenian Tribute Lists, I, Camb., 1939, стр. 279).

²⁶ А. А. Тюменев, Херсонесские этюды, ВДИ, 1938, № 2, стр. 257.

²⁷ Plut., Nic., 15; Alc., 18, 21; Aristoph., Ran., 1039; Thesm., 841.

²⁸ Aristoph., Acharn., 595 сл.; Thuc., VI, 8,2.

²⁹ Plut., Pericl., 20.

³⁰ Гераклея, впоследствии неоднократно вмешивавшаяся в боспорские дела, несомненно, имела собственные интересы на Боспоре (Шелов, Феодосия, Гераклея и Спартокиды, стр. 171 сл.).

³¹ Блаватский, Архаический Боспор, стр. 40.

к нему и купить примирение ценой уступки Нимфея³². Примирение с Сатиром было необходимо для Афин, поскольку после Сидийской катастрофы Афины особенно остро стали нуждаться в боспорском хлебе³³. Непосредственному участнику этого соглашения — Гилону, как известно, пришлось заплатить за уступку Нимфея. Доводы в пользу того, что Гилон не был приговорен к смерти за государственную измену³⁴, убедительны, однако дело Гилона следует скорее сравнивать не с процессом о государственной измене, а с делом афинских стратегов, заключивших мир в Сицилии в 424 г., двое из которых были изгнаны, а на третьего наложен штраф. (Действительно, сам Демосфен признавал, что его дед Гилон был должником государства). Из всех союзников наиболее упорную борьбу продолжала Феодосия, которая была завоевана Левконом лишь в 80-х гг. IV в.³⁵ После присоединения Феодосии и вскоре вслед за ней Синдики и ряда других местностей государство Спартокидов из небольшого объединения греческих городов превращается в мощную черноморскую державу, объединяющую греческое население с местными племенами, и вступает в стадию своего наивысшего расцвета.

Э. Берзин

ТОРГОВЫЕ ПОШЛИНЫ И ПРАВО БЕСПОШЛИННОСТИ НА БОСПОРЕ (IV век до н. э.)

Торговым сношениям Боспора с различными центрами античного мира в литературе уделено заслуженно большое внимание. Если до недавнего времени в центре внимания исследователей по вполне понятным причинам — сравнительному обаянию материала письменных источников — стояла боспорско-афинская торговля, то за последние годы благодаря успешным археологическим исследованиям большое внимание стало уделяться и торговле Боспора с различными другими центрами, в частности с городами южного Причерноморья.

Но если многое достигнуто в изучении развития торговых сношений Боспорского государства, то очень мало до сих пор сделано в исследовании организации торговли на Боспоре. До сих пор нет работы, в которой вопросы организации торговли на Боспоре были бы подвергнуты специальному рассмотрению¹.

³² Мир был заключен не позже весны 405 г., так как Мантифей уехал на Боспор еще до Эгоспотамского сражения, и не раньше 410 г., поскольку к этому времени относятся декреты IX книги Кратера, из которых Гарпократий почерпнул сведения об уплате Нимфеем дани афинянам (Me g r i t, W a d e - G e r y, M c G r e g o r, ук. соч., стр. 203).

³³ Начиная с 411 г. и до конца войны черноморские проливы, дорога на Боспор, становятся с небольшими перерывами основным театром военных действий. «Агис, видя из Декелии, что в Пирей прибывает много кораблей с хлебом, объявил, что нет никакой пользы в том, что его войско столько времени подряд не дает афинянам собирать урожай, если только не удастся завладеть и тем пунктом, через который к ним приходит хлеб по морю» (X e n o p h., H e l l., I, 1, 35). Только прочно захватив проливы, спартанцы могли взять Афины измором. Именно здесь и произошло сражение при Эгоспотамах, решившее исход войны, между Лисандром, направившимся к Геллеспонту «для надзора за подплывающими грузовыми судами» (X e n o p h., H e l l., II, 1, 17), и преследовавшими его афинянами.

³⁴ С. А. Ж е б е л е в, Боспорские этюды, Сб. «Северное Причерноморье», 1953, стр. 187 сл.

³⁵ Ш е л о в, Феодосия, Гераклея и Спартокиды, стр. 171.

¹ Некоторые вопросы, связанные с организацией торговли на Боспоре, были рассмотрены С. А. Ж е б е л е в ы м в статье «Основные линии экономического развития Боспорского государства» (ИОН, 1934, № 8, стр. 589 сл. и № 9, стр. 661 сл. = СП, стр. 116 сл.)